

Психология народов и масс

Автор:

Гюстав Лебон

Психология народов и масс

Гюстав Лебон

Бессмертная книга, впервые опубликованная еще в 1895 году – и до сих пор остающаяся актуальной.

Книга, на основе которой создавались, создаются и будут создаваться все новые и новые рекламные, политические и медийные технологии.

Книга, которую должен знать наизусть любой политик, журналист, пиарщик или просто человек, не желающий становиться бессловесной жертвой пропаганды.

Идеи-догмы и религия как способ влияния на народные массы, влияние пропаганды на настроения толпы, способы внушения массам любых, даже самых вредных и разрушительных, идей, – вот лишь немногие из гениальных и циничных прозрений Гюстава Лебона, человека, который, среди прочего, является автором афоризмов «Массы уважают только силу» и «Толпа направляется не к тем, кто дает ей очевидность, а к тем, кто дает ей прельщающую ее иллюзию».

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Гюстав Лебон

Психология народов и масс

Gustave Le Bon

LA PSYCHOLOGIE DES FOULES

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

Книга I

Психология народов

Введение

Современные идеи равенства и психологические основы истории

Идеи, правящие учреждениями народов, претерпевают очень длинную эволюцию. Образуясь очень медленно, они вместе с тем очень медленно исчезают. Став для просвещенных умов очевидными заблуждениями, они еще очень долгое время остаются неоспоримыми истинами для толпы и продолжают оказывать свое действие на темные народные массы. Если трудно внушить новую идею, то не менее трудно уничтожить старую. Человечество постоянно с отчаянием цепляется за мертвые идеи и мертвых богов.

Уже почти полтора века прошло с тех пор, как поэты и философы, крайне невежественные относительно первобытной истории человека, разнообразия его душевного строя и законов наследственности, бросили в мир идею равенства людей и рас.

Очень обольстительная для масс, эта идея вскоре прочно укрепилась в их душе и не замедлила принести свои плоды. Она потрясла основы старых обществ, произвела одну из страшнейших революций и бросила западный мир в целый ряд сильных конвульсий, которым невозможно предвидеть конца.

Без сомнения, некоторые из неравенств, разделяющих индивидуумов и расы, были слишком очевидны, чтобы приходилось серьезно их оспаривать; но люди легко успокаивались на том, что эти неравенства – только следствия различия в воспитании, что все люди рождаются одинаково умными и добрыми и что одни только учреждения могли их развратить. Средство против этого было очень простое: перестроить учреждения и дать всем людям одинаковое воспитание. Таким-то образом учреждения и просвещение стали великими панацеями современных демократий, средством для исправления неравенств, оскорбительных для великих принципов, являющихся единственными божествами современности.

Впрочем, новейшие успехи науки выяснили все бесплодие эгалитарных теорий и доказали, что умственная бездна, созданная прошлым между людьми и расами, может быть заполнена только очень медленными наследственными накоплениями. Современная психология вместе с суровыми уроками опыта показала, что воспитание и учреждения, приспособленные к известным лицам и к известным народам, могут быть очень вредны для других. Но не во власти философов изъять из обращения идеи, пущенные ими в мир, когда они убедятся в их ложности. Как вышедшая из берегов река, которую не в состоянии удержать никакая плотина, идея продолжает свой опустошительный, величественный и страшный поток.

И смотрите, какова непобедимая сила идеи! Нет ни одного психолога, ни одного сколько-нибудь просвещенного государственного человека, и в особенности – ни одного путешественника, который бы не знал, насколько ложно химерическое понятие о равенстве людей, перевернувшее мир, вызвавшее в Европе гигантскую революцию и бросившее Америку в кровавую войну за отделение Южных Штатов от Северо-Американского Союза; никто не имеет нравственного права игнорировать то, насколько наши учреждения и воспитание губительны для низших народов; и за всем тем не найдется ни одного человека – по крайней мере во Франции, – который бы, достигнув власти, мог противиться общественному мнению и не требовать этого воспитания и этих учреждений для туземцев наших колоний. Применение системы, выведенной из наших идей равенства, разоряет метрополию и постепенно приводит все наши колонии в

состояние плачевного упадка; но принципы, от которых система берет начало, еще не поколеблены.

Будучи, впрочем, далекой от упадка, идея равенства продолжает еще расти. Во имя этого равенства социализм, долженствующий, по-видимому, в скором времени поработить большинство народов Запада, домогается обеспечить их счастье. Его именем современная женщина требует себе одинаковых прав и одинакового воспитания с мужчиной.

О политических и социальных переворотах, произведенных этими принципами равенства, и о тех гораздо более важных, какие им суждено еще породить, массы нисколько не заботятся, а политическая жизнь государственных людей слишком коротка для того, чтобы они об этом более беспокоились. Впрочем, верховный властелин современности – общественное мнение, и было бы совершенно невозможно не следовать за ним.

Для оценки социальной важности какой-нибудь идеи нет более верного мерил, чем та власть, какой она пользуется над умами. Заключаящаяся в ней доля истины или лжи может представлять интерес только с точки зрения философской. Когда истинная или ложная идея перешла у масс в чувство, то должны постепенно проявляться все вытекающие из нее последствия.

Итак, посредством просвещения и учреждений нужно приступить к осуществлению современной мечты о равенстве. С их помощью мы стараемся, исправляя несправедливые законы природы, отлить в одну форму мозги негров из Мартиники, Гваделупы и Сенегала, мозги арабов из Алжира и, наконец, мозги азиатов. Конечно, это – совершенно неосуществимая химера, но разве не постоянная погоня за химерами составляла до сих пор главное занятие человечества? Современный человек не может уклониться от закона, которому подчинялись его предки.

Я в другом месте показал плачевные результаты, произведенные европейским воспитанием и учреждениями на низшие народы. Точно так же я изложил результаты современного образования женщин и не намереваюсь здесь возвращаться к старому. Вопросы, которые нам предстоит изучить в настоящем труде, будут более общего характера.

Оставляя в стороне подробности или касаясь их лишь постольку, поскольку они окажутся необходимыми для доказательства изложенных принципов, я исследую образование и душевный строй исторических рас, т. е. искусственных рас, образованных в исторические времена случайностями завоеваний, иммиграций и политических изменений, и постараюсь доказать, что из этого душевного строя вытекает их история. Я установлю степень прочности и изменчивости характеров рас и попытаюсь также узнать, идут ли индивидуумы и народы к равенству или, напротив, стремятся как можно больше отличаться друг от друга. Доказав, что элементы, из которых образуется цивилизация (искусство, учреждения, верования), составляют непосредственные продукты расовой души и поэтому не могут переходить от одного народа к другому, я определю те непреодолимые силы, от действия которых цивилизации начинают меркнуть и потом угасают. Вот вопросы, которые мне уже приходилось не раз обсуждать в моих трудах о цивилизациях Востока. На этот маленький том следует смотреть только как на краткий их синтез.

Наиболее яркое впечатление, вынесенное мною из продолжительных путешествий по различным странам, – это то, что каждый народ обладает душевным строем столь же устойчивым, как и его анатомические особенности, и от него-то и происходят его чувства, его мысли, его учреждения, его верования и его искусства. Токвиль и другие знаменитые мыслители думали найти в учреждениях народов причину их развития. Я же убежден в противном и надеюсь доказать, беря примеры как раз из тех стран, которые изучал Токвиль, что учреждения имеют на развитие цивилизаций крайне слабое влияние. Они чаще всего являются следствиями, но очень редко бывают причинами.

Без сомнения, история народов определяется очень различными факторами. Она полна особенными событиями, случайностями, которые были, но могли и не быть. Однако рядом с этими случайностями, с этими побочными обстоятельствами существуют великие неизменные законы, управляющие общим ходом каждой цивилизации. Эти неизменные, самые общие и самые основные законы вытекают из душевного строя рас. Жизнь народа, его учреждения, его верования и искусства суть только видимые продукты его невидимой души. Для того чтобы какой-нибудь народ преобразовал свои учреждения, свои верования и свое искусство, он должен сначала переделать свою душу; для того чтобы он мог передать другому свою цивилизацию, нужно, чтобы он в состоянии был передать ему также свою душу. Без сомнения, не то нам говорит история; но мы легко докажем, что, записывая противоположные утверждения, она вводит себя в обман пустыми видимостями.

Мне пришлось однажды изложить пред большим конгрессом некоторые из развиваемых в настоящем труде идей.

Собрание состояло из всякого рода выдающихся людей: из министров, губернаторов колоний, адмиралов, профессоров, ученых, принадлежавших к цвету различных наций. Я рассчитывал встретить в подобном собрании некоторое единомыслие относительно основных вопросов. Но его вовсе не было. Высказанные мнения оказались совершенно не зависящими от степени культурности тех, кто их высказывал.

Передавали эти мнения главным образом то, что составляло наследственные чувства различных рас, к которым принадлежали члены названного конгресса. Никогда мне не было так ясно, что люди каждой расы обладают, несмотря на различие их социального положения, неразрушимым запасом идей, традиций, чувств, способов мышления, составляющих бессознательное наследство от их предков, против которого всякие аргументы совершенно бессильны.

В действительности мысль людей преобразуется не влиянием разума. Идеи начинают оказывать свое действие только тогда, когда они после очень медленной переработки преобразовались в чувства и проникли, следовательно, в темную область бессознательного, где вырабатываются наши мысли. Для внушения идей книги имеют не большую силу, чем слово. Точно так же не с целью убеждать, но чаще всего с целью развлечься, тратят философы свое время на писание. Лишь только человек выходит из обычного круга идей среды, в которой ему приходится жить, он должен заранее отказаться от всякого влияния и довольствоваться узким кругом читателей, самостоятельно пришедших к идеям, аналогичным тем, которые он защищает. Одни только убежденные апостолы обладают властью заставить себя слушать, плыть против течения, изменять идеал целого поколения, но это чаще всего благодаря узости их мысли и известной дозе фанатизма, в чем им нельзя завидовать.

Впрочем, не писанием книг они доставляют торжество какому-нибудь верованию. Они долго спят в земле, прежде чем вздумается литераторам, занятым фабрикацией легенд о них, заставить их говорить.

Отдел первый

Психологические свойства рас

Глава I

Душа рас

Натуралисты основывают свою классификацию видов на присутствии известных анатомических особенностей, воспроизводимых наследственностью с правильностью и постоянством. Мы теперь знаем, что эти особенности изменяются наследственным накоплением незаметных изменений; но если рассматривать только краткий период исторических времен, то можно сказать, что виды неизменны.

В приложении к человеку методы классификации натуралистов дали возможность установить известное число совершенно отличных типов. Основываясь на чисто анатомических признаках, таких как цвет кожи, форма и емкость черепа, стало возможным установить, что человеческий род состоит из многих совершенно отличных видов и, вероятно, очень различного происхождения. Для ученых, относящихся с благоговением к мифологическим традициям, эти виды суть не более чем расы. Но, как основательно сказал кто-то, «если бы негр и кавказец были улитками, то все зоологи единогласно утверждали бы, что они составляют различные виды, которые никогда не могли происходить от одной и той же пары, от которой они постепенно отдалялись».

Эти анатомические особенности, по крайней мере, те из них, которые имеют отношение к нашему анализу, допускают только общие, очень грубые подразделения. Их различия появляются только у человеческих видов, совершенно отличных друг от друга, например у белых, негров и желтых. Но народы, очень похожие по своему внешнему виду, могут сильно отличаться своими способами чувствовать и действовать и, следовательно, своими цивилизациями, своими верованиями и своими искусствами. Возможно ли соединить в одну группу испанца, англичанина и араба?

Не бросаются ли всем в глаза существующие между ними психические различия и не читаются ли они на каждой странице их истории?

За недостатком анатомических особенностей хотели опереться для классификации известных народов на различные элементы, такие как языки, верования и политические учреждения; но подобные классификации не выдерживают серьезной критики. При случае мы покажем, что многие народы сумели ассимилироваться, преобразовав чужие языки, верования и учреждения настолько, чтобы они могли согласоваться с их душевным складом.

Основания для классификации, которых не могут дать анатомия, языки, среда, политические группировки, даются нам психологией. Последняя показывает, что позади учреждений, искусств, верований, политических переворотов каждого народа находятся известные моральные и интеллектуальные особенности, из которых вытекает его эволюция. Эти-то особенности в своей совокупности и образуют то, что можно назвать душой расы.

Каждая раса обладает столь же устойчивой психической организацией, как ее анатомическая организация. Что первая находится в зависимости от устройства мозга, в этом трудно сомневаться. Но так как наука еще недостаточно ушла вперед, чтобы показать нам детали его механизма, то мы не можем брать его за основание. Впрочем, ближайшее знакомство с ним несколько не может изменить описания психической организации, которая из него вытекает и которую открывает нам наблюдение.

Моральные и интеллектуальные особенности, совокупность которых выражает душу народа, представляют собой синтез всего его прошлого, наследство всех его предков и побудительные причины его поведения. У отдельных индивидуумов той же расы они кажутся столь же изменчивыми, как черты лица; но наблюдение показывает, что большинство индивидуумов этой расы всегда обладает известным количеством общих психологических особенностей, столь же прочных, как анатомические признаки, по которым классифицируются виды. Как и эти последние, психологические особенности воспроизводятся наследственностью с правильностью и постоянством.

Этот агрегат общих психологических особенностей составляет то, что обоснованно называют национальным характером. Их совокупность образует средний тип, дающий возможность определить народ. Тысяча французов, тысяча англичан, тысяча китайцев, взятых случайно, конечно, должны

отличаться друг от друга; однако они обладают в силу наследственности их расы общими свойствами, на основании которых можно воссоздать идеальный тип француза, англичанина, китайца, аналогичный идеальному типу, какой представляет себе натуралист, когда он в общих чертах описывает собаку или лошадь. В приложении к различным разновидностям собаки или лошади подобное описание может заключать только признаки, общие всем, но ничуть не те, по которым можно различать их многочисленные породы.

Если только раса достаточно древняя и, следовательно, однородная, то средний ее тип достаточно ясно определился, чтобы быстро укрепиться в уме наблюдателя.

Когда мы посещаем чужой народ, то только поражающие нас особенности можно признать общими для всех обитателей объезжаемой нами страны, потому что только они одни постоянно повторяются.

Индивидуальные отличия редко повторяются, а потому и ускользают от нас; и вскоре мы не только умеем различать с первого взгляда англичанина, итальянца, испанца, но начинаем замечать в них известные моральные и интеллектуальные особенности, которые составляют как раз те основные черты, о которых мы говорили выше. Англичанин, гасконец, нормандец, фламандец соответствуют в нашем уме вполне определенному типу, который мы можем легко описать. В приложении к отдельному индивидууму описание может быть очень недостаточным, а иногда неверным; но в приложении к большинству индивидуумов известной расы оно дает самое верное его изображение.

Бессознательная мозговая работа, с помощью которой определяются физический и психический тип какого-нибудь народа, совершенно тождественна по существу с методом, который дает возможность натуралисту классифицировать виды.

Эта тождественность психической организации большинства индивидуумов известной расы имеет очень простые физиологические основания. Каждый индивидуум в действительности есть продукт не только его непосредственных родителей, но еще – своей расы, т. е. всего ряда его предков. Ученый-экономист Шейсон вычислил, что во Франции, если считать по три поколения на столетие, каждый из нас имеет в своих жилах кровь по крайней мере 20 миллионов современников какого-либо тысячелетия... «Все жители одной и той же местности, одной и той же провинции по необходимости имеют общих предков,

сделаны из одной глины, носят один отпечаток и постоянно приводятся обратно к среднему типу той длинной и тяжелой цепью, которой они суть только последние звенья. Мы одновременно дети своих родителей и своей расы. Не только чувство, но еще физиология и наследственность делают для нас отечество второй матерью».

Если перевести на язык механики влияния, которым подвергается индивидуум и которые руководят его поведением, то можно сказать, что они бывают троякого рода.

Первое и, вероятно, самое важное – влияние предков; второе – влияние непосредственных родителей; третье, которое обыкновенно считают самым могущественным и которое, однако, есть самое слабое, – влияние среды. Эта последняя, если понимать под нею различные физические и нравственные влияния, которым подвергается человек в продолжение своей жизни и, конечно, в продолжение своего воспитания, производит только очень слабые изменения. Влияния среды начинают оказывать реальное действие только тогда, когда наследственность накапливала их в одном и том же направлении в течение очень долгого времени.

Что бы человек ни делал, он всегда и прежде всего – представитель своей расы. Тот запас идей и чувств, который приносят с рождением на свет все индивидуумы одной и той же расы, образует душу расы. Невидимая в своей сущности, эта душа очень видима в своих проявлениях, так как в действительности она управляет всей эволюцией народа.

Можно сравнивать расу с соединением клеточек, образующим живое существо. Эти миллиарды клеточек имеют очень непродолжительное существование, между тем как продолжительность существования образованного их соединением существа относительно очень долгая; клеточки, следовательно, одновременно имеют жизнь личную и жизнь коллективную, жизнь существа, для которого они служат веществом. Точно так же каждый индивидуум какой-нибудь расы имеет очень короткую индивидуальную жизнь и очень долгую коллективную. Эта последняя есть жизнь расы, в которой он родился, продолжению которой он способствует и от которой он всегда зависит.

Раса поэтому должна быть рассматриваема как постоянное существо, не подчиненное действию времени.

Это постоянное существо состоит не только из живущих индивидуумов, образующих его в данный момент, но также из длинного ряда мертвых, которые были их предками. Чтобы понять истинное значение расы, следует продолжить ее одновременно в прошедшее и в будущее. Они управляют неизмеримой областью бессознательного – той невидимой областью, которая держит под своей властью все проявления ума и характера. Судьбой народа руководят в гораздо большей степени умершие поколения, чем живущие. Ими одними заложено основание расы. Столетие за столетием они творили идеи и чувства и, следовательно, все побудительные причины нашего поведения. Умершие поколения передают нам не только свою физическую организацию; они внушают нам также свои мысли. Покойники суть единственные неоспоримые господа живых. Мы несем тяжесть их ошибок, мы получаем награду за их добродетели.

Образование психического склада народа не требует, как создание животных видов, тех геологических периодов, громадная продолжительность которых не поддается нашим вычислениям. Оно, однако, требует довольно долгого времени. Чтобы создать в таком народе, как наш, и то еще в довольно слабой степени, ту общность чувств, которая образует его душу, нужно было более десяти веков.

Этот период, очень длинный для наших летописей, в действительности довольно короток. Если столь относительно ограниченный промежуток времени достаточен, чтобы закрепить известные особенности, то это обуславливается тем, что действующая в продолжение известного времени в одном направлении какая-нибудь причина быстро производит очень большие результаты.

Математики нам доказали, что когда эта причина продолжает производить одно и то же следствие, то причины растут в арифметической прогрессии (1, 2, 3, 4, 5...), а следствия – в геометрической прогрессии (2, 4, 8, 16, 32...).

Причины суть логарифмы следствий. В известной задаче об удвоении хлебных зерен на шахматной доске соответственный номер шахматной клетки есть логарифм числа хлебных зерен.

Точно так же для капитала, отданного под сложные проценты, закон возрастания таков, что число лет есть логарифм возросшего капитала. Этими соображениями объясняется тот факт, что большинство социальных явлений может быть выражено быстро возрастающими геометрическими кривыми.

В другой работе мне пришлось доказать, что они могут выражаться аналитическим уравнением параболы или гиперболы.

Может быть, самое важное дело Французской революции было то, что она ускорила это образование почти совершенным уничтожением мелких национальностей: пикардийцев, фламандцев, бургундцев, гасконцев, бретонцев, провансальцев и т. д., между которыми Франция была некогда раздроблена. Нужно, впрочем, чтобы объединение было полное, и именно потому, что французы состоят из слишком различных рас и имеют, следовательно, слишком различные идеи и чувства, они делаются жертвами раздоров, каких не знают более однородные народы, например англичане. У этих последних англосакс, нормандец, древний бретонец, в конце концов слившись, образовали очень однородный тип, поэтому и образ действия их одинаков. Благодаря этому слиянию они в конце концов прочно приобрели себе следующие три главные основы народной души: общие чувства, общие интересы, общие верования. Когда какая-нибудь нация достигла этого объединения, то устанавливается инстинктивное согласие всех ее членов по всем крупным вопросам и серьезные разногласия не могут возникать более в ее недрах.

Эта общность чувств, идей, верований и интересов, созданная медленными наследственными накоплениями, придает психическому складу народа большое сходство и большую прочность, обеспечивая ему в то же время громадную силу. Она создала величие Рима в древности, превосходство англичан в наши дни. С того времени, как она исчезает, народы распадаются. Роль Рима кончилась, когда он перестал ею обладать.

Всегда в большей или меньшей степени существовало у всех народов и во все века это сплетение наследственных чувств, идей, традиций и верований, образующее душу какого-нибудь сообщества людей, но его прогрессивное расширение совершалось крайне медленно. Ограниченная вначале пределами семьи и постепенно распространявшаяся на деревню, город, провинцию, коллективная душа охватила собой всех жителей страны только в сравнительно недавнее время. Только тогда возникло понятие отечества в том смысле, как мы его ныне понимаем. Оно становится возможным только тогда, когда образовалась национальная душа.

Греки никогда не поднимались выше понятия города, и их города всегда воевали друг с другом, потому что они всегда были очень чужды друг другу.

Индия в продолжение 2000 лет не знала другой формы единения, кроме деревни, и вот почему она в течение двух тысячелетий жила всегда под властью

чужеземных властителей, эфемерные монархии которых с такой же легкостью разрушались, как и возникали.

Очень слабое с точки зрения военного могущества понятие города как исключительного отечества было, напротив, всегда очень сильно относительно развития цивилизации. Менее обширная, чем душа отечества, душа города бывала иногда более плодovита. Афины – в древности Флоренция и Венеция – в Средние века показывают нам, какой степени цивилизации могут достигнуть небольшие скопления людей.

Когда маленькие города или небольшие провинции живут долгое время самостоятельной жизнью, они в конце концов приобретают такую устойчивую душу, что слияние ее с душами соседних городов и провинций, стремящееся к образованию национальной души, становится невозможным.

Подобное слияние даже тогда, когда оно может совершиться, т. е. когда соприкасающиеся элементы не слишком несходны, никогда не бывает делом одного дня, но только делом целых веков. Нужны Ришелье или Бисмарки, чтобы завершить подобное дело; но и такие люди завершают его лишь тогда, когда оно уже предварительно долгое время подготавливалось. Конечно, какая-нибудь страна вроде Италии может сразу, благодаря исключительным обстоятельствам, образовать единое государство, но было бы ошибочно полагать, что она сразу вместе с тем приобретает и национальную душу. Я хорошо вижу в Италии пьемонтцев, сицилийцев, венецианцев, римлян и т. д.; но не вижу еще там итальянцев.

Какова бы ни была ныне рассматриваемая раса, будет ли она однородна или нет, но в силу одного только того факта, что она цивилизована и с давних пор вошла в историю, ее следует всегда рассматривать как искусственную расу, но не как естественную. Естественные расы в настоящее время можно найти только у дикарей. Только у них можно наблюдать народы, чистые от всякой помеси. Большая же часть цивилизованных рас в настоящее время только исторические расы.

Мы не намерены теперь заниматься происхождением этих рас. Образованы они природой или историей, это не важно. Нас интересуют только их особенности, которые в них выработало долгое прошлое. Сохраняемые в продолжение столетий одними и теми же условиями существования и накапливаемые наследственностью, эти особенности в конце концов приобрели большую

устойчивость и определили тип каждого народа.

Глава II

Пределы изменчивости характера рас

Только изучив внимательно развитие цивилизаций, можно установить постоянство психического склада рас. С первого взгляда общим правилом кажется изменчивость его, а не постоянство. История народов действительно может иногда давать повод предполагать, что души их по временам претерпевают очень быстрые и значительные изменения. Не кажется ли вам, например, что существует значительная разница между характером англичанина времен Кромвеля и характером современного англичанина? Не является ли для вас современный итальянец, осторожный и хитрый, совершенно отличным от порывистого и свирепого человека, каким нам его описывает в своих мемуарах Бенвенуто Челлини? Не идя так далеко, ограничимся пределами Франции. Сколько произошло видимых перемен в характере французов за ничтожное число веков и иногда даже лет? Какой историк не отмечал различий в характере между XVII и XVIII веками? И в наши дни: не кажется ли вам, что существует пропасть между характерами непреклонных членов конвента и послушных рабов Наполеона?

Однако это были одни и те же люди, и в несколько лет они кажутся совершенно изменившимися.

Чтобы разъяснить причины этих изменений, мы должны прежде всего вспомнить, что психологический вид, подобно анатомическому, состоит из очень небольшого числа основных неизменных особенностей, вокруг которых группируются изменяемые и непостоянные второстепенные признаки. Скотовод, изменяющий видимую структуру какого-нибудь животного, садовник, переделывающий внешний вид какого-нибудь растения до такой степени, что неопытный глаз с трудом его может узнать, нисколько не коснулись основных особенностей вида; они только действовали на его побочные признаки. Несмотря на все старания искусства, основные особенности всегда стремятся

выйти наружу во всяком новом поколении.

И психическая организация имеет основные особенности, столь же неизменные, как анатомические признаки видов; но она вместе с тем обладает и легко изменяемыми второстепенными особенностями; эти-то последние и могут легко изменить среда, обстоятельства, воспитание и различные факторы.

Нам нужно также вспомнить, и это самое важное, что в своей психической организации мы имеем всевозможные задатки характера, которым обстоятельства не всегда доставляют случай обнаружиться. Раз они случайно получили применение – тотчас же образуется более или менее эфемерная новая личность. Этим именно объясняется то, что в эпохи больших религиозных и политических кризисов наблюдают такие мгновенные пертурбации в характере, что кажется, будто все изменилось: нравы, идеи, поведение и т. д.

Действительно, все изменилось, как поверхность спокойного озера, волнуемого бурей, но очень редко бывает, чтобы это было надолго.

В силу этих задатков характера, которые приводятся в действие известными исключительными событиями, деятели больших религиозных и политических кризисов кажутся нам высшими существами в сравнении с нами, своего рода колоссами, по отношению к которым мы являемся какими-то жалкими убудками. Однако это были такие же люди, как мы, у которых обстоятельства привели в действие задатки характера, какими обладают все. Возьмите, например, этих «гигантов конвента», которые смотрели вызывающе на вооруженную Европу и посылали своих противников на гильотину за простое противоречие. Это были, в сущности, такие же почтенные и мирные обыватели, как и мы, которые в обычное время, вероятно, вели бы в стенах своего кабинета, своей конторы очень тихое и бесцветное существование. Исключительные события привели в движение некоторые клеточки в их мозгу, оставшиеся без применения в обыкновенном состоянии, и они стали теми колоссальными фигурами, которых потомство уже не в состоянии понять. Сто лет спустя Робеспьер был бы, без сомнения, честным мировым судьей, очень дружным со своим священником; Фуке-Тенвиль – судебным следователем, обладающим, может быть, несколько большей суровостью, чем его коллеги, и высокомерным обращением людей его профессии, но которого, вероятно, очень высоко ценили бы за его ревность в преследовании преступников; Сен-Жюст был бы превосходным школьным учителем, уважаемым своими начальниками и очень гордым академическими пальмовыми ветками, которые ему, наверное, удалось бы получить. Впрочем, чтобы не сомневаться в законности наших предвидений,

достаточно посмотреть на то, что сделал Наполеон из свирепых террористов, которые еще не успели перерубить друг другу головы. Большая часть их сделалась столоначальниками, преподавателями, судьями или префектами. Волны, поднятые бурей, о которой мы говорили выше, успокоились, и взволнованное озеро приняло снова свой спокойный вид.

Даже в наиболее смутные эпохи, производящие самые странные изменения в личностях, можно легко под новыми формами отыскать основные черты расы. Разве централистский, самовластный и деспотический режим суровых якобинцев в действительности сильно отличался от централистского, самовластного и деспотического режима, который пятнадцать веков монархии глубоко вкоренили в души французов? После всех революций латинских народов всегда появляется этот суровый режим, эта неизлечимая потребность быть управляемыми, потому что он представляет собой своего рода синтез инстинктов их расы. Не через один только ореол своих побед Бонапарт сделался властелином.

Когда он преобразовал республику в диктатуру, наследственные инстинкты расы обнаруживались с каждым днем все с большей и большей интенсивностью, и за отсутствием артиллерийского офицера был бы достаточен какой-нибудь авантюрист. Пятьдесят лет спустя достаточно было появиться наследнику его имени, чтобы собрать голоса целого народа, измученного свободой и жаждавшего рабства. Не брюмер сделал Наполеона, но душа народа, который почти добровольно шел под его железную пяту.

«По первому мановению, – пишет Тэн, – французы поверглись в повиновение и пребывают в нем как в естественном положении; низшие – крестьяне и солдаты – с животной верностью; высшие – сановники и чиновники – с византийским раболепством. Со стороны республиканцев – никакого сопротивления; напротив, именно среди них он нашел свои лучшие орудия управления: сенаторов, депутатов, членов государственного совета, судей, всякого рода администраторов. Тотчас под проповедью свободы и равенства он разгадал их самовластные инстинкты, их жажду командовать, притеснять, хотя бы и в подчиненном порядке, и сверх того у большинства из них аппетиты к деньгам и наслаждению. Между делегатом Комитета Общественного Спасения и каким-нибудь министром, префектом или супрефектом Империи разница ничтожная: это тот же человек, но в разных костюмах, сначала в тоге революционера, а потом в вицмундире чиновника».

Если влияние среды на человека кажется столь большим, то главным образом потому, что она действует на побочные и временные особенности или на еще скрытые задатки характера, о которых нам выше пришлось говорить. В действительности изменения не очень глубоки.

Самый мирный человек под влиянием голода может доходить до степени ожесточения, которая приводит его ко всевозможным преступлениям, а иногда даже к тому, что он пожирал своих ближних. Можно ли на основании этого сказать, что его обычный характер окончательно изменился?

Из того, что условия цивилизации приводят одних к чрезмерной роскоши и ко всем порокам, составляющим их неизбежное следствие, а у других создают очень большие потребности, не давая им средств для их удовлетворения, может последовать общее недовольство и беспокойное состояние, которые будут действовать на поведение и вызывать всякого рода перевороты, но в этих недовольствах, в этих переворотах всегда будут проявляться основные черты расы. Англичане Соединенных Штатов вносили когда-то в свои раздоры во время междоусобной войны ту же настойчивость, ту же неукротимую энергию, какую они теперь вкладывают в основание городов, университетов и фабрик. Характер не изменился. Изменились только предметы, к которым он прилагался.

Исследуя один за другим различные факторы, способные действовать на психический склад народов, мы можем всегда констатировать, что они действуют на побочные и непостоянные стороны характера, но нисколько не задевают его основных черт или задевают их лишь путем очень медленных наследственных накоплений.

Из предыдущего никак нельзя заключить то, что психологические особенности рас совсем не подвергаются изменениям; но только то, что, подобно анатомическим признакам, они обладают очень большой устойчивостью. Вследствие этой устойчивости душа рас и изменяется так медленно в течение веков.

Глава III

Психологическая иерархия рас

Когда в области естествознания приходится устанавливать основания для классификации видов, то труд этот облегчается тем, что неизменные и, следовательно, основные признаки, по которым определяется каждый вид, очень немногочисленны. Их перечисление всегда занимает несколько строчек. Это потому, что в действительности натуралист занимается только неизменными признаками, не обращая никакого внимания на временные. Впрочем, эти основные признаки влекут за собой неизбежно целый ряд других.

То же самое – с психологическими признаками рас.

Если входить в подробности, то между одним народом и другим, между одним индивидуумом и другим можно заметить бесчисленные и тонкие различия; но если обращать внимание только на основные признаки, то придется признать, что для каждого народа они немногочисленны. Только на примерах (мы скоро представим очень характерные) можно ясно показать влияние этого небольшого числа основных признаков на жизнь народов.

Основания психологической классификации рас могут быть изложены лишь после детального изучения психологии различных народов. Это труд, для которого потребовались бы тома; мы же ограничимся тем, что набросаем их психологию крупными штрихами. Рассматривая только главные психологические признаки человеческих рас, мы можем разделить их на следующие четыре группы: первобытные расы, низшие, средние и высшие.

Первобытные расы – те, у которых не находят ни малейшего следа культуры и которые остановились на той эпохе первобытной животности, какую переживали наши предки в каменном веке: таковы нынешние фиджийцы и австралийцы.

Кроме первобытных рас существуют еще низшие расы, главными представителями которых являются негры. Они способны к зачаткам цивилизации, но только к зачаткам. Никогда им не удавалось подняться выше совершенно варварских форм цивилизации, хотя случай делал их (например, негров Сан-Доминго) наследниками высших цивилизаций.

К средним расам мы относим китайцев, японцев, монголов и семитические народы. Через ассирийцев, монголов, китайцев, арабов они создали высокие типы цивилизаций, которые могли быть превзойдены одними только европейскими народами.

Среди высших рас могут занимать место только индоевропейские народы. Как в древности, в эпоху греков и римлян, так и в настоящее время одни только они оказались способными к великим открытиям в сфере искусства, науки и промышленности. Только им мы обязаны тем высоким уровнем, которого достигла ныне цивилизация. Пар и электричество вышли из их рук. Наименее развитые из этих высших рас, например индусы, возвысились в области искусства, литературы и философии до такого уровня, какого никогда не могли достигнуть монголы, китайцы и семиты.

Между четырьмя большими группами, которые мы только что перечислили, невозможно никакого слияния; отделяющая их умственная пропасть очевидна. Трудности начинаются только тогда, когда хотят подразделить эти группы. Англичанин, испанец, русский относятся к группе высших народов; однако мы хорошо знаем, что между ними существуют очень большие различия. Чтобы определить эти различия, нужно брать каждый народ в отдельности и описать его характер. Это мы скоро сделаем для двух из них с тем, чтобы дать применение нашему методу и показать важность его результатов. Пока же мы обрисовываем только в самых общих чертах природу главных психологических элементов, по которым можно различать расы.

У первобытных и низших рас (нет надобности их отыскивать среди настоящих дикарей, так как низшие слои европейских обществ подобны первобытным существам) можно всегда констатировать большую или меньшую неспособность рассуждать, т. е. ассоциировать в мозгу идеи, чтобы их сравнивать и замечать их сходства и различия, – идеи, вызванные прошедшими ощущениями, или слова, служащие их знаками, с идеями, произведенными настоящими ощущениями. Из этой неспособности рассуждать проистекают большое легкоеверие и полное отсутствие критической мысли. У высшего существа, напротив, способность ассоциировать идеи и делать из них умозаключения очень велика, критическая мысль и способность к точному мышлению высоко развиты.

У людей низших рас можно еще констатировать очень слабую степень внимания и соображения, очень большой подражательный ум, привычку делать из частных

случаев общие неточные выводы, слабую способность наблюдать и выводить из своих наблюдений полезные результаты, чрезвычайную изменчивость характера и очень большую непредусмотрительность. Инстинкт момента – единственный их путеводитель. Подобно Исаву – типу первобытного человека – они охотно продали бы свое будущее право первородства за настоящую чечевичную похлебку. Когда человек умеет противопоставлять ближайшему интересу будущий, ставить себе цель и с настойчивостью преследовать ее, то он уже осуществил большой прогресс.

Эта неспособность предвидеть отдаленные последствия своих поступков и склонность не иметь иного путеводителя, кроме моментальных побуждений, осуждают индивидуума, точно так же как и расу, на то, чтобы постоянно оставаться в очень низком состоянии. Только по мере того, как народы приучаются владеть своими инстинктами, т. е. по мере того, как они приобретают волю и, следовательно, власть над собой, они начинают понимать важность порядка, необходимость жертвовать собой для идеала и возвыситься до цивилизации. Если бы нужно было оценить одним мерилom социальный уровень народов в истории, то я охотно принял бы за масштаб степень способности владеть своими инстинктами. Римляне в древности и англо-американцы в настоящее время представляют собой народы, обладающие этим качеством в высшей степени. Оно сильно содействовало сохранению их величия.

Общей группировкой и относительным развитием различных психологических элементов образуются типы психических организаций, по которым можно установить классификацию индивидуумов и рас. Из этих психологических элементов одни имеют отношение к характеру, другие – к уму.

Высшие расы отличаются от низших как характером, так и умом; но высшие народы между собой отличаются главным образом характером. Так как этот пункт имеет огромное общественное значение, то его следует изложить ясно. Характер образуется сочетанием в различной пропорции различных элементов, которые психологи обозначают ныне именем чувств.

Из тех, которые играют наиболее важную роль, следует главным образом отметить настойчивость, энергию, способность владеть собой – способности, проистекающие из воли. Мы упомянем также среди основных элементов характера нравственность, хотя она – синтез довольно сложных чувств. Это последнее слово мы берем в смысле наследственного уважения к правилам, на которых покоится существование общества. Иметь нравственность для народа –

значит иметь известные твердые правила поведения и не отступать от них. Так как эти правила разнообразятся по времени и странам, то нравственность вследствие этого кажется вещью очень изменчивой, и она в действительности такова; но для данного народа, для данного момента нравственность должна быть совершенно неизменной. Дочь характера, но ничуть не ума, она может считаться прочно установленной только тогда, когда стала наследственной и, следовательно, бессознательной. Вообще можно сказать, что величие народов зависит главным образом от уровня их нравственности.

Умственные качества могут легко изменяться под влиянием воспитания; качества характера почти совершенно ускользают от его действия. Если воспитание действует на них, то это бывает только у натур безразличных, не имеющих почти никакой воли и, следовательно, легко склоняющихся в ту сторону, куда их толкают. Эти безразличные натуры встречаются у отдельных индивидов, но крайне редко – у целого народа, и если их можно встречать в нем, то только в моменты крайнего упадка.

Открытия ума передаются легко от одного народа к другому. Качества характера не могут передаваться. Это те неизменные основные элементы, которые позволяют различать психический склад высших народов. Открытия, обязанные уму, составляют общее достояние человечества; преимущества или недостатки характера составляют исключительное достояние каждого народа. Это – неизменный утес, в который волна должна бить изо дня в день в течение веков, чтобы обточить только его контуры; он соответствует специфическому признаку вида, плавнику рыбы, клюву птицы, зубу плотоядного. Характер народа, но не его ум определяет его развитие в истории. Влияние характера можно всегда отыскать в видимых капризах совершенно бессильного случая и очень могущественной судьбы, которая, по различным верованиям, руководит поступками людей.

Влияние характера – самый могущественный фактор в жизни народов, между тем как влияние ума в действительности очень слабо. Римляне времен упадка имели более утонченный ум, чем ум их грубых предков, но они потеряли прежние качества своего характера: настойчивость, энергию, непобедимое упорство, способность жертвовать собой для идеала, ненарушимое уважение к законам, которые создали величие их предков. Только благодаря характеру 60 тысяч англичан держат под своей властью 250 миллионов индусов, из которых многие по крайней мере равны им по уму, а некоторые неизмеримо превосходят их эстетическим вкусом и глубиной философских воззрений.

Только благодаря характеру они стоят во главе гигантской колониальной империи, какую когда-либо знала история.

На характере, но не на уме основываются общества, религии и империи. Характер даст народам возможность чувствовать и действовать. Они никогда не выигрывали много от того, что желали слишком много рассуждать и слишком много мыслить.

Чрезвычайная слабость работ профессиональных психологов и их ничтожный практический интерес зависят главным образом от того, что они посвящают себя исключительно изучению ума и оставляют почти совершенно в стороне изучение характера. Я знаю только одного Рибо, который на нескольких страницах, к несчастью, слишком кратких, показал значение характера и признал, что он образует истинный фундамент душевного развития. «Ум, – пишет совершенно основательно ученый профессор «College de France», – лишь побочная форма психической эволюции. Основной тип ее есть характер. Ум, когда он слишком развит, скорее ведет к его разрушению».

Я постараюсь здесь доказать, что если желают ознакомиться со сравнительной психологией народов, то следует прежде всего приступить к изучению характера. Тот факт, что столь важная наука (так как из нее вытекают история и политика) никогда не являлась предметом исследования, остался бы совершенно непонятным, если бы нам не было известно, что подобная наука не приобретает ни в лабораториях, ни в книгах, но только продолжительными путешествиями. Ничто, впрочем, не дает повода предсказать, что к ней скоро приступят профессиональные психологи. Они оставляют в настоящее время все более и более то, что было некогда их областью, чтобы посвятить себя анатомическим и физиологическим исследованиям. Анатомировать мозги, исследовать под микроскопом клетки, определять законы, связывающие возбуждение и реакцию, – все это относится к общей физиологии, касаясь одинаково лягушки и человека, но остается без всякого близкого или отдаленного применения к познанию психологического склада различных типов нашего вида. Поэтому нельзя не поощрять такие сочинения, как только что вышедшее в свет интересное исследование Поллака «Les caracteres».

Хотя размеры нашего труда очень ограничены, они все-таки позволят нам показать на нескольких совершенно ясных примерах, в какой степени характер народов определяет их судьбу. Я также покажу на других примерах, что, вопреки всем историческим видимостям, психический склад рас, когда он уже

образовался, обладает почти столь же устойчивыми признаками, как анатомические признаки видов.

Из психического склада рас вытекает их понятие о мире и жизни, а следовательно, их поведение и, наконец, их история. Воспринимая известным образом впечатления от внешних вещей, каждый индивид чувствует, мыслит и поступает совершенно иначе, чем будут чувствовать, мыслить и поступать те, которые обладают совершенно отличным психическим складом. Отсюда следует, что психические организации, построенные по совершенно различным типам, не могут достигнуть полного слияния.

Вековые столкновения рас имеют главным своим основанием непримиримость их характеров.

Ничего нельзя понять в истории, если не имеешь постоянно в виду, что различные расы не могут ни чувствовать, ни мыслить, ни поступать одинаковым образом, ни, следовательно, понимать друг друга. Без сомнения, различные народы имеют в своих языках общие слова, которые они считают синонимами, но эти общие слова будят у тех, которые их слушают, совершенно не сходные чувства, идеи, способы мышления. Нужно пожить с народами, психический склад которых чувствительно отличается от нашего, даже выбирая между ними только лиц, говорящих на нашем языке и получивших наше воспитание, чтобы понять глубину пропасти, существующей между психическим складом различных народов.

Можно и без далеких путешествий составить себе об этом некоторое представление, констатируя глубокое психическое различие, существующее между цивилизованными мужчиной и женщиной, даже в том случае, когда последняя очень образованна. Они могут иметь общие интересы, общие чувства, но никогда – одинаковых ассоциаций идей.

Они разговаривают между собой в течение веков, не понимая друг друга, потому что их духовные организмы построены по слишком различным типам, чтобы они могли воспринимать одинаковым образом внешние вещи. Уже одна разница в их логике была бы достаточна для того, чтобы создать между ними непроходимую пропасть.

Эта пропасть между психическим складом различных рас и объясняет нам, почему высшим народам никогда не удавалось заставить низшие принять их цивилизацию. Столь еще распространенное мнение, что образование может осуществить подобное дело, – одна из печальнейших иллюзий, какую когда-либо создали теоретики чистого разума.

Без сомнения, образование позволяет, благодаря памяти, которой обладают самые низкие существа и которая не составляет, впрочем, исключительной привилегии человека, дать индивиду, стоящему довольно низко на человеческой лестнице, совокупность познаний, какими обладает европеец. Можно легко сделать бакалавра или адвоката из негра или из японца; но этим ему дают чисто внешний лоск, без всякого воздействия на его психическую природу, из которой он не может извлекать никакой пользы. То, чего ему не может дать никакое образование (потому что их создает одна только наследственность), – это формы мышления, логика и главным образом характер западных людей. Этот негр или этот японец могут получать сколько угодно дипломов, но никогда им не подняться до уровня обыкновенного европейца. За десять лет ему можно легко дать образование очень просвещенного англичанина. Но чтобы сделать из него настоящего англичанина, т. е. человека, действующего как англичанин в различных обстоятельствах жизни, в какие он будет поставлен, – для этого едва достаточно было бы тысячи лет. Только на внешний взгляд народ круто переменяет свой язык, свой государственный строй, свои верования и свое искусство. Для того чтобы произвести подобные перемены в действительности, нужно изменить его душу.

Глава IV

Прогрессивная дифференциация индивидов и рас

Высшие расы отличаются от низших не только своими психологическими и анатомическими особенностями, но также и разнообразием входящих в их недра элементов. У низших рас все индивиды, даже тогда, когда они принадлежат к различным полам, обладают почти одним и тем же психическим уровнем. Будучи все похожи друг на друга, они вполне представляют собой картину того

равенства, о котором мечтают современные социалисты. У высших рас неравенство индивидов и полов, напротив, составляет закон.

И поэтому, сравнивая между собой не средние слои народов, но их высшие, если только у них есть таковые, можно измерить величину отделяющих их различий. Индусы, китайцы, европейцы мало отличаются своими средними слоями и в то же время значительно разнятся высшими.

С успехами цивилизации не только расы, но и индивиды каждой расы, по крайней мере индивиды высших рас, стремятся дифференцироваться. Вопреки нашим мечтам о равенстве, результат современной цивилизации не тот, чтобы делать людей все более и более равными, но наоборот – все более и более различными.

Один из главных результатов цивилизации, с одной стороны, – дифференцирование рас посредством все более и более возрастающего с каждым днем умственного труда, возлагаемого ею на народы, дошедшие до высокой ступени культуры, и с другой – все большая и большая дифференциация различных слоев, из которых состоит каждый цивилизованный народ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/gyustav-lebon/psihologiya-narodov-i-mass-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)